

СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ.

Изъ воспоминаній объ немъ его духовника *).

Князь А. М. Горчаковъ принадлежитъ исторіи. Его дѣла и заслуги будутъ оцѣнены потомствомъ. Но у каждаго дѣятеля на государственномъ поприщѣ есть сторона внутренняя, неоцѣнимая никакимъ бытописателемъ, и эта сторона составляетъ если не всегда основаніе, то навѣрное окраску всей его общественной дѣятельности. Поэтому для будущаго историка должно быть очень важно заглянуть въ этотъ внутренний міръ политическаго дѣятеля, котораго онъ призванъ будетъ цѣнить и судить по его дѣяніямъ, мыслямъ и намѣреніямъ. Но какъ этотъ внутренний міръ человѣка не всегда поддается наблюденію людей постороннихъ, то нерѣдко самая исторія впадаетъ въ заблужденіе, произнося свой судъ надъ человѣкомъ по однимъ только внѣшнимъ проявленіямъ его мыслей и намѣреній. Князь А. М. Горчаковъ занималъ слишкомъ высокій постъ въ правительствѣ Россіи, участвуя болѣе четверти вѣка въ управленіи судьбами своего отечества, и потому всякое свѣдѣніе о немъ, о его характерѣ, а тѣмъ болѣе о его внутреннемъ мірѣ, должно быть цѣнно для Русскаго человѣка, имѣющаго право гордиться своими знаменитыми соотечественниками.

Меня привелъ Богъ ближе сойтись съ княземъ въ такую эпоху жизни его, когда Промыслъ Божій производилъ надъ нимъ сильную операцію, готовя сдѣлать изъ него сосудъ избранный для новаго болѣе почетнаго употребленія. Познакомившись съ нимъ сперва во Франкфуртѣ, гдѣ онъ въ началѣ 50-хъ годовъ исправлялъ должность нашего представителя при Германскомъ Союзѣ (оставаясь въ то же время посланникомъ при Виртембергскомъ дворѣ), я вскорѣ за тѣмъ былъ переведенъ на службу въ Стутгартъ. Здѣсь я прежде всего былъ ласково принятъ княгиней М. А. Горчаковой, которая не задолго передъ тѣмъ принимала такое сердечное участіе въ постигшемъ меня семейномъ горѣ. Она съ такою любовію заботилась о моихъ малолѣтнихъ сиротахъ, что я скоро сдѣлался своимъ, чуть не семьяниномъ, въ домѣ Горчаковыхъ. Ихъ два мальчика, только нѣсколькими годами старше моихъ, подружались съ моими двумя сыновьями, и потому у насъ установились самыя добрыя отношенія. Князя въ это время я видалъ только за столомъ, гдѣ онъ по обыкновенію былъ разговорчивъ и блисталъ своимъ свѣтскимъ умомъ. Нерѣдко случалось, когда въ

*) Статья эта сообщена намъ Александромъ Ивановичемъ Базаровымъ. На самой рукописи покойнымъ родителемъ его выражено его желаніе, чтобы она появилась въ „Русскомъ Архивѣ“. П. Б.

числѣ объѣдавшихъ были иностранцы различныхъ націй, что князь цитовалъ наизусть цѣлыя строфы изъ Шиллера, изъ Байрона, изъ нашихъ поэтовъ, обращаясь попеременно то къ тому, то къ другому изъ гостей своихъ. Но когда, по инициативѣ княгини, переходилъ разговоръ на предметы религіозные, князь обыкновенно преклонялъ голову и, обращаясь къ дѣтямъ, выказывалъ намѣренно свое глубокое уваженіе къ святости этихъ предметовъ. Меня всегда особенно поражала эта манера почти заученнаго обращенія съ святынею. Мнѣ казалось, что этотъ блистательный умъ не благоговѣлъ передъ нею, но боялся ея, какъ чего-то ему мало знакомаго. Впрочемъ это уваженіе къ святынѣ не было въ немъ чѣмъ нибудь напускнымъ, практиковавшимся только передъ дѣтьми въ видахъ педагогическихъ. Нѣтъ, даже въ своемъ кабинетѣ, куда онъ приглашалъ насъ послѣ обѣда для куренія, слѣд. въ отсутствіи княгини и дѣтей, онъ съ такимъ же уваженіемъ относился ко всему религіозному и, разставаясь со мною, всегда съ почтеніемъ подходилъ подъ благословеніе и цѣловалъ мнѣ руку, хотя бы при этомъ присутствовали какіе бы то ни были представители разныхъ исповѣданій. Это меня очень занимало, и мнѣ весьма хотѣлось проникнуть въ этотъ внутренній міръ человека, одареннаго такими блестящими способностями, горячо преданнаго своей дипломатической дѣятельности, и вмѣстѣ такого смиреннаго въ выраженіи своихъ, не скажу еще религіозныхъ, но во всякомъ случаѣ церковныхъ обязанностей. Не разъ говорилъ я объ этомъ и съ княгинею, и всегда мы приходили къ тому заключенію, что князь слишкомъ занятъ своими свѣтскими обязанностями, слишкомъ увлеченъ блескомъ вѣшной жизни, и очевидно боится войти внутрь себя, въ тотъ ему незнакомый міръ прямыхъ, искреннихъ отношеній къ Богу, изъ котораго не выходятъ больше на торжище свѣтской суеты со всѣми ея прикрасами.

Но вотъ настала 1853-й годъ. Семейство Горчаковыхъ по обыкновенію переѣхало на лѣто въ Баденъ. Тамъ захворалъ младшій изъ сыновей корью, вслѣдствіе чего старшаго перевели въ другой домъ, къ теткѣ его княгинѣ Радаивилъ, тоже жившей въ Баденѣ. 13-го Іюня князь мнѣ писалъ изъ Бадена: «Господь Богъ въ безпредѣльномъ милосердіи услышалъ наши молитвы. Константину лучше. Вторая ночь безъ бреда, болѣзнь взяла регулярный ходъ. Прежде двухъ дней докторъ не можетъ сказать, что онъ уже не въ опасности». Но больной не успѣлъ еще выздоровѣть, какъ захворала сама княгиня и притомъ такъ сильно, что меня потребовали къ умирающей. Здѣсь я присутствовалъ въ первый разъ при истинно-христіанской, можно сказать, геройской кончинѣ слабой женщины. Покойная княгиня часто говорила мнѣ, что у ней два грѣха на душѣ, это—сильная боязнь смерти и чрезмѣрная любовь къ дѣтямъ, и что она больше всего страшится этой минуты, когда ей придется умирать и разставаться съ дѣтьми. Вотъ эта минута настала. Княгиня умирала въ полномъ сознаніи приближающейся смерти. Но это спокойствіе, съ какимъ она встрѣчала приближающуюся минуту разставанія и съ жизнью, и съ дѣтьми, меня поразило особенно, когда она сама объявила, что отказывается

отъ послѣдняго утѣшенія видѣть дѣтей, такъ какъ младшій лежалъ еще въ постели, а старшаго она боялась ввести въ домъ, чтобы онъ не заразился отъ младшаго. И вотъ эта-то слабая женщина, такъ боявшаяся смерти и такъ любившая дѣтей, съ геройствомъ материнской любви заочно благословляетъ своихъ любимцевъ и съ спокойствіемъ души, повторяя слова Евангелія: «просите и дастся вамъ, ищите и обрящете» отходить въ другую жизнь, гдѣ ожидало ее полное исполненіе ея христіанскихъ надеждъ, обильное удовлетвореніе ея исканій правды, мира и любви на землѣ.

Эта смерть, и такая смерть любящей и любимой супруги и была та таинственная операція Промысла, которая должна была пробудить дремавшую дотошъ вѣру въ душѣ князя. Операція эта была тяжелая и, чтобы перенести ее, нужны были время, и долгая, трудная работа духовнаго врача надъ залѣченіемъ этой раны. Въ первыя минуты овдовѣвшій князь предавался полному отчаянію. По счастью онъ былъ добрый и нѣжный отецъ. Ему предстояла еще трудная и грустная работа, какъ извѣстить дѣтей о кончинѣ ихъ матери. Старшему я взялъ на себя объявить эту горестную потерю. Отъ младшаго рѣшили скрыть это до его полнаго выздоровленія. Это послѣднее обстоятельство было самымъ тяжелымъ испытаніемъ для князя, особенно когда больной выздоровѣлъ и былъ уже между своими, а передъ нимъ все еще продолжали дѣлать видъ, какъ будто ничего особеннаго не произошло въ семействѣ. Еще 23 Іюня князь писалъ мнѣ по этому поводу изъ Бадена: «Очень боюсь на счетъ Константина. Мы не можемъ объявить ему о смерти матери *внятно*, какъ Мишелю. Продолжающаяся болѣзнь его ослабила и увеличила природную чувствительность. Черезъ дней шесть докторъ при хорошей погодѣ выпуститъ его изъ дома. Привезутъ къ намъ, гдѣ онъ и останется до переѣзда въ новый домъ. Дни два-три надобно будетъ жить съ нимъ, сложивъ трауръ и преодолевая собственную скорбь, чтобы мало по малу приготовить, и тогда уже положиться на милосердіе Божіе. Отсутствіе ваше чувствуется ежедневно. Не оставьте молиться о нашей представившейся! Непрестанно перечитываю Маттея главу VII. Особенно поразилъ меня стихъ 11-й, не позволяющій намъ предаваться какому либо сомнѣнію объ исполненіи стиха 7-го, который добрая моя Маша троекратно, въ послѣднія минуты, ясно взывала съ вѣрою и надеждою. Желалъ бы очень, чтобы вы потрудились означить мнѣ еще нѣсколько главъ изъ Новаго Завѣта, призванныхъ къ особому вліянію на теперешнее положеніе души моей. Оно вамъ вполне раскрыто. Простите! Не забываютъ меня и сиротъ въ молитвахъ вашихъ и испросите у Господа Бога милости облегчить тяжесть жизни». Чтобы помочь князю въ его тяжкомъ положеніи, я самъ отправился въ Баденъ и нашелъ его въ болѣе спокойномъ состояніи, нежели какъ это было прежде. Константину не было еще открыто о смерти матери. Дожидались меня. Цѣлое утро прошло въ совѣтахъ и разсужденіяхъ, какъ приступить къ та-

кому страшному дѣлу. Мнѣнія раздѣлились. Докторъ совѣтовалъ приготовить его по немногу, страдая опасностію слишкомъ поразить разстроенные болѣзнію нервы мальчика. Я совѣтовалъ князю исполнить это дѣло какъ можно безыскусственнѣйшимъ образомъ, на единѣ, тѣмъ болѣе, что, по замѣчанію самаго князя, Константинъ послѣдніе дни очень скучаетъ, а сегодня утромъ даже плакалъ. Въ два часа мы собрались опять у князя въ кабинетѣ, и въ то самое время, какъ я спорилъ съ докторомъ Гугертомъ, что не слѣдуетъ больше разыгрывать передъ мальчикомъ комедію въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, князь вышелъ на минуту въ комнату Константина, чтобы посмотреть, въ какомъ состояніи онъ находится, и черезъ минуту возвратился назадъ съ словами: «Нечего хлопотать! Константинъ все знаетъ! Едва только я спросилъ его что ты такъ печаленъ? какъ онъ отвѣчалъ мнѣ: но вы всѣ печальны!—Но положимъ, сказалъ я, что мы имѣемъ причину быть печальными; отъ чего же ты печаленъ?—Отъ того, отвѣчалъ онъ, что мама умерла!» Бѣдный мальчикъ, по собственному признанію, давно зналъ объ этомъ по чувству, по разнымъ обстоятельствамъ, которыхъ скрыть было невозможно. На вопросъ отца, какъ же онъ не сказалъ того никому? добрый мальчикъ отвѣчалъ: «я видѣлъ, что ты, папа, не хотѣлъ, чтобы я зналъ объ этомъ, и я молчалъ». Послѣ этого Константинъ, какъ искреннее дитя, долго плакалъ и рыдалъ на груди отца. Въ слѣдъ затѣмъ мы помолились всѣ вмѣстѣ о упокоеніи души преставившейся, и всѣ видимо отдохнули отъ тяготѣвшаго на нашихъ сердцахъ принужденія. Развязка этой печальной загадки видимо облегчила сердце и самого князя и всѣхъ окружавшихъ. Теперь и сынъ, отъ котораго такъ долго скрывали его потерю, сталъ чувствовать, что трауръ, который онъ замѣчалъ до сихъ поръ вокругъ себя случайно, и ему родной трауръ, и савозъ слезы его можно было видѣть, какъ онъ наконецъ утѣшенъ тѣмъ, что можетъ дѣлать съ отцомъ скорбь, которая такъ давно тяготила ему душу.

Всѣ эти нравственныя потрясенія глубоко проникли въ душу князя. Урокъ, данный ему Богомъ, былъ тяжелъ. Но онъ все еще боролся съ своимъ ветхимъ челоуѣкомъ, жившимъ въ немъ. Вскорѣ за моимъ посѣщеніемъ его въ Баденѣ онъ писалъ мнѣ: «Голосъ вашъ всегда меня утѣшаетъ или по крайней мѣрѣ на время смягчаетъ терзающую скорбь. Вы знаете путь къ мысли, сердцу. Да благословитъ Господь ваши старанія и поможетъ намъ достигнуть цѣли. Благодарю за молитвы и церковныя, и частныя. Нами здѣсь ежедневно возсылаются къ Всевышнему Утѣшителю. Книга о вліяніи молитвъ на успокоеніе душъ усопшихъ укрѣпила вѣру мою. Выводы автора ясны, и словами Спасителя надежды обращаются въ извѣстность. Если я совершенно успокоюсь на счетъ загробнаго состоянія отозваннаго моего ангела, можетъ быть *предстоящую* мнѣ жизнь приму съ большею покорностію». При этомъ князь выслалъ мнѣ сумму денегъ для раздачи бѣднымъ, и писалъ при этомъ: «Я бы желалъ, чтобы благодарствительные молились за упокоеніе души *Маріи*, безъ всякаго другаго озна-

ченія». А вотъ и еще нѣсколько строкъ изъ письма князя ко мнѣ отъ 28 Іюля 1853 года «Благодарю васъ, за письмо. Отыскалъ и отмѣтилъ строки въ Евангеліи. Здоровье поправляется. Душевные силы въ томъ же изнеможеніи. Часто, особо къ вечеру, обладаетъ совершенное отчаяніе. Оно безразсудно и грѣшно, чувствую; но не могу. Молитесь за насъ и не забывайте преставившуюся за общіе. Она такъ жарко просила вашихъ молитвъ и молитвъ церкви о успокоеніи души. Данная вами мнѣ молитва и крестъ съ деревомъ, которому покойная прикасалась охладѣвшими устами, нѣсколько меня подкрѣпляютъ, когда къ нимъ прибѣгаю въ минуты совершеннаго безсилія. Узнать—какъ молиться мнѣ еще предстоитъ. Вы мнѣ поможете очистить заросшій путь». Этотъ крестъ и эту молитву князь сохранилъ при себѣ до конца жизни. Когда, за годъ до его смерти, я посѣтилъ его въ Баденѣ, онъ повелѣ меня въ свою спальню и показалъ этотъ крестъ, висѣвшій надъ его кроватью, прибавивъ при этомъ: «видите, я ваши уроки не забываю!»

Вотъ еще одно письмо, тоже еще изъ Бадена, но уже отъ 7-го Октября, свидѣтельствующее о болѣе спокойномъ настроеніи души князя. «Благодарю васъ отъ души за воспоминаніе о Мишѣ въ день его ангела. Онъ собирается самъ благодарить васъ за присланное житіе св. Михаила. Праотецъ мой имѣлъ духовникомъ отца Іоанна. И насъ Господь благословилъ руководителемъ на пути истины таковаго же имени и достоинства. О еслибы позволено было видѣть и въ этомъ знакъ Его благодатнаго указанія нашего спасенія! По неизмѣримому Его милосердію ко мнѣ, недостойному во всѣхъ отношеніяхъ! Духъ мой нѣсколько успокоился. Грусть душевная тоже. Молитва и чтеніе книгъ въ этомъ направленіи поддерживаютъ меня въ самыхъ тяжелыхъ минутахъ. Жажду бесѣды вашей. Въ теченіе сего мѣсяца возвращусь въ осиротѣлый домъ мой. Я принялся вновь за исповѣдь св. Августина и нахожу теперь въ немъ то, что въ первыхъ порывахъ грусти не могъ открыть. Сего утра читалъ разговоръ его съ матерью, смерть ея и чувства и разсужденія его при семъ случаѣ (конецъ 9-й главы). Какая возвышенная правда! Молю Господа, да дозволить и мнѣ достигнуть такого расположенія души. Прошу и вашихъ молитвъ у престола Его». Въ *postscriptum* къ этому письму князь прибавляетъ: «По случаю крестинъ у Кутузова я познакомился короче съ нашимъ священникомъ Висбаденскимъ*), который мнѣ очень понравился. Чѣмъ болѣе вникаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ прекрасномъ направленіи молодаго нашего духовенства. Благодать Господня видимо осѣняетъ православную Церковь». Но черезъ нѣ-

*) Отецъ Ипполитъ, который потомъ въ Петербургѣ сдѣлался духовникомъ князя Горчакова.

сколько дней (11-го Октября) князь опять писалъ мнѣ болѣе тревожное письмо, въ которомъ между прочимъ проявляется уже и свойственная его натурѣ жажда дѣятельности. «Не желаю, писалъ онъ, продлѣть моего пребыванія здѣсь, гдѣ умъ въ бездѣйствіи. Не могу желать прїѣзда и въ Стутгартъ, гдѣ ожидаетъ всеневная душевная тревога. Однако до конца мѣсяца буду къ вамъ съ дѣтьми. Самъ чувствую нужду въ духовномъ подкрѣпленіи и бесѣдѣ съ вами. Господь милостивъ, и чувство отчаянія постепенно теряетъ характеръ ропота и виновнаго сопротивленія волѣ Божіей. Но часто, слишкомъ часто приходятъ еще минуты, въ которыя сила воли изнемогаетъ».

Наконецъ 17-го Октября князь, въ послѣдній разъ передъ возвращеніемъ въ Стутгартъ, пишетъ мнѣ письмо, въ которомъ проявляются уже заботы нѣжнаго отца о воспитаніи осиротѣвшихъ сыновей. «Черезъ восемь дней надѣюсь быть въ Стутгартѣ. Тогда буду просить васъ вновь благословить осиротѣвшій домъ мой, благословить не на радость, не на счастье, которыхъ болѣе не ожидаю, но да укрѣпитъ меня Господь въ терпѣніи и смиреніи. Стражду духомъ и тѣломъ. Если еще удары должны вослѣдовать за претерпѣннымъ ударомъ, да будетъ воля Божія! Но да дастъ Онъ мнѣ силу перенести оныя. Много заботъ и отъ дѣтей. Ежеминутно чувствую болѣе потерю жены. Благословенная нѣжная рука ея округляла углы. Иногда, по человѣческимъ понятіямъ, не могу дойти до того, какъ я могъ выдержать все, что въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ всегда снова терзаетъ душу мою. Иго моей жизни не легко. Мы будемъ часто видаться. Это необходимо, чтобы и душа и тѣло не дошли до совершеннаго изнеможенія, а жизнь моя, вижу, для дѣтей необходима. И дѣтьми буду васъ усердно просить болѣе прежняго заняться, утвердить ихъ на пути вѣры и въ вѣрѣ искать средства къ улучшенію ихъ (безъ оной недостаточныя); это одно можетъ замѣнить для нихъ умолкшій голосъ матери. Простите! Молитесь за насъ; никогда болѣе не чувствовалъ нужды въ молитвахъ за меня у престола Божія. Собственная сила едва, едва меня поддерживаетъ».

По возвращеніи въ Стутгартъ съ дѣтьми, князь А. М. Горчаковъ посвятилъ всего себя воспитанію ихъ. Оставаясь все въ томъ же благочестивомъ настроеніи, онъ каждый день молился съ ними утромъ и вечеромъ, читалъ съ ними Евангеліе, а вечера проводилъ почти исключительно со мною въ чтеніи назидательныхъ книгъ или духовныхъ бесѣдахъ. Если случалось день - другой не бывать у князя, онъ уже слалъ ко мнѣ записку со словами: «Не пожалуете ли къ намъ отобѣдать? Какъ-то душѣ тяжело». Не рѣдко вмѣсто личнаго посѣщенія я посылалъ ему ту или другую книжку для прочтенія, и вотъ разъ, возвращая мнѣ одну книжку Христіанскаго Чтенія, онъ пишетъ: «Съ умиленіемъ прочелъ статью о Разрушителѣ смерти. Блажени мертвіи,

умирающіе о Господѣ. Вспомянулъ о послѣднихъ минутахъ усопшаго моего ангела и болѣе утвердился въ надеждѣ, что Господь милостиво принялъ ее въ нѣдро Свое». Заботясь о дѣтяхъ своихъ, какъ отецъ-христіанинъ, князь самъ готовилъ ихъ къ исповѣди и св. причащенію. «Я бы очень радъ послать къ вамъ Мишу, пишетъ онъ мнѣ, но боюсь коклюша, гнѣздящагося въ вашемъ домѣ. Постараюсь, хотя сожалѣя, замѣнить вашу бесѣду чтеніемъ съ нимъ приготовительнымъ къ покаянію».

Такъ проходила зима 1853—1854 года. Между тѣмъ горизонтъ политическій началъ помрачаться. Съ Запада все болѣе и болѣе на-двигались черныя тучи, разразившіяся скоро Севастопольскою грозою. Хотя главными врагами нашего отечества въ это время выступали Франція и Англія, но центръ тяжести этого положенія для насъ оказался въ Вѣнѣ. Тамъ устанавливали вѣсы политическаго равновѣсія, которые колебались, къ несчастію склоняясь болѣе на сторону намъ враждебную. Въ то время тамъ царилъ непріязненный намъ министръ Буоль. Бывшій нашимъ посланникомъ, баронъ Мейендорфъ, былъ женатъ на сестрѣ этого самаго Буоля, и потому его дипломатическое положеніе дѣлалось невозможнымъ. Предстояло замѣнить его кѣмъ либо другимъ, который могъ бы стать въ Вѣнѣ на стражѣ нашихъ интересовъ и поддержать нашу политику въ Восточномъ вопросѣ. Все это хорошо видѣлъ и понималъ князь Горчаковъ; но онъ еще былъ слишкомъ подъ впечатлѣніемъ удара съ Неба, такъ смирившаго его подъ руку Божию, чтобы добровольно и съ свойственною его натурѣ энергіею броситься въ эту борьбу. На мои намеки на счетъ того, что быть можетъ ему предстоитъ замѣнить барона Мейендорфа въ Вѣнѣ, князь каждый разъ отвѣчалъ, что если Богу угодно послать его на это дѣло, онъ приметъ этотъ долгъ съ смиреніемъ, но безъ всякаго честолюбія. «Вы не можете себя представить, говорилъ онъ, что я былъ прежде и чѣмъ сталъ теперь. Въ молодости я былъ такъ честолюбивъ, что одно время носилъ ядъ въ карманѣ, рѣшаясь отравиться, если меня обойдутъ мѣстами».

Между тѣмъ въ Февралѣ 1855-го года я получилъ извѣстіе о тяжелой болѣзни моего тестя, протоіерея Кочетова. Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ, чтобы застать еще въ живыхъ любившаго меня, какъ родного сына, тестя. Князь Горчаковъ пришелъ въ отчаяніе отъ этой моей рѣшимости и никакъ не отпускалъ меня отъ себя, говоря, что я не могу его оставить одного въ такомъ грустномъ положеніи. Но тревожныя извѣстія объ ухудшавшемся положеніи больного заставили наконецъ его согласиться на мою поѣздку, и благодаря этому замедленію я уже не засталъ въ живыхъ моего тестя. Отпуская меня въ Петербургъ, князь имѣлъ въ виду черезъ меня устроить свои семейныя отношенія къ дѣтямъ покойной княгини отъ ея перваго брака и также узнать на мѣстѣ о видахъ правительства на его счетъ. Всѣмъ было извѣстно, что князь Горчаковъ не пользовался особою милостію со стороны императора Николая Павловича, и потому въ данную минуту онъ находился между страхомъ и надеждою или быть обойден-

нымъ въ эту рѣшительную минуту или, какъ говорится, glasse горюе, всплыть на поверхность и понестись по теченію новой политики въ нашемъ государствѣ. Поэтому понятно будетъ, что князь засыпалъ меня письмами изъ Стутгарта, только что я, оставивъ его, отправился въ Россію. Такъ отъ 19 (31) Марта онъ уже писалъ мнѣ въ Петербургъ: «Письмо ваше насъ успокоило на счетъ благополучнаго пріѣзда въ Варшаву. Теперь съ нетерпѣніемъ и надеждою на милость Божию будемъ ожидать таковой же пріятной вѣсти изъ Петербурга. Радуюсь расположенію, въ которомъ вы нашла К. И. Въ откровенности вашей вижу доказательство попечительности о мнѣ и увѣреніе въ искреннемъ моемъ желаніи духовнаго улучшенія. Желалъ бы, но не могу, раздѣлить вашего мнѣнія о *недоразумѣніи*. Здѣсь не просто недоразумѣніе. Съ одной стороны *слова* въ противорѣчіи съ *фактами*. Съ моей стороны факты вамъ не безъизвѣстны. Принять *слова* за *дѣйствія* мнѣ кажется не позволено намъ даже высочайшимъ нашимъ Законодателямъ... Искренность моихъ чувствъ вамъ извѣстна, практическое приложеніе оныхъ также отъ васъ не скрыто. Чего же болѣе ожидать отъ меня?... На этотъ счетъ считая излишнимъ распространяться. Это было предметомъ нашихъ ежедневныхъ разговоровъ, гдѣ внутренность моя была вамъ раскрыта». Далѣе въ этомъ письмѣ князь прибавляетъ: «Благодарю за учебныя книги, мною полученныя. Не забудьте купить для меня *Великій Постъ* и если что еще найдете особенно назидательнаго между духовными нашими писателями. Но я желаю положительнаго ученія, а не уместованій, допускающихъ пренія, какъ напр. я нашелъ въ *Вспомогат. объ отношеніи Церкви*. По одной отмѣткѣ, вами сдѣланной на первыхъ страницахъ, я тотчасъ отложилъ книгу и не возму болѣе въ руки. Ни лицу не остроумныхъ, тонкихъ соображеній, но смиреннаго покоренія собственнаго ума подъ иго церковныхъ истинъ. Въ сегодняшнемъ чтеніи *Великаго Поста* нашелъ мысль, особенно ко мнѣ принаровленную: «Вмѣсто того, чтобы влечь безплоднымъ сожалѣніемъ духъ отпавшихъ вспять, въ эту юдоль лишенія и слезъ, ты самъ устремился бы духомъ въ слѣдъ ихъ, и въ семъ сладкомъ стремленіи давно нашелъ бы успокоеніе своему растерзанному сердцу». Изъ Петербурга надѣюсь получить отъ васъ скоро и *весьма подробное* письмо и о всемъ».

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ отъ 29-го Марта князь Горчаковъ писалъ мнѣ: «Изъ письма Ея Высочества (В. К. Ольга Николаевна находилась въ то время въ Петербургѣ) вижу, что вы не застали уже теста вашего въ живыхъ. Принимаю живѣйшее участіе въ скорби вашей, Великая Княгиня отзывается ко мнѣ въ самыхъ лестныхъ о покойномъ выраженіяхъ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣщенія о счастливомъ вашемъ пріѣздѣ и дальнѣйшихъ вашихъ сообщеній. Желалъ бы также знать, въ какомъ положеніи нашли дорогу. П. А. Мухомовъ пишетъ мнѣ изъ

Варшавы, что отправилъ васъ въ спокойной каретѣ и съ пріятнымъ или по крайней мѣрѣ занимательнымъ спутникомъ. У меня былъ второй припадокъ подагры. Завидую вамъ быть свидѣтелемъ прекраснаго нашего народнаго вдохновенія. Грустно приступаемъ къ Страстной недѣлѣ безъ духовныхъ утѣшеній».—25-го Марта я въ первый разъ писалъ князю изъ Петербурга и получилъ отъ него въ отвѣтъ письмо отъ 3-го Апрѣля, въ которомъ онъ пишетъ: «Благодарю васъ за письмо и предварительныя свѣдѣнія, въ немъ сообщенныя. Е. Н. Пещурова съ радостію извѣстила меня о свиданіи съ вами и усердно желаетъ тѣснѣйшаго знакомства. Не знаю, станетъ ли у васъ досуга. Петербургъ поглощаетъ время, а пребываніе ваше будетъ непродолжительно. Не забудьте ее совѣсть.... Голицинъ (князь Сергѣй Павловичъ) пишетъ вамъ подробно о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ. Предоставляю ему. Дѣти и я, слава Богу, здоровы. Погода стоитъ несравненная. Позвольте мнѣ остаться въ полномъ увѣреніи, что если васъ не потребуютъ къ Наслѣднику, вы несомнѣнно къ намъ возвратитесь. Чтѣ вамъ Ольга Николаевна сказала въ этомъ отношеніи, отзывается въ душѣ нашей. Да и въ свѣтскомъ смыслѣ, не думаю, чтобы какъ для васъ, такъ и для дѣтей вашихъ какое бы положеніе, кромѣ упомянутаго, могло быть выгоднѣе. О Лицеѣ мнѣ кажется сравнительно и рѣчи быть не можетъ. На досугѣ не оставляйте пожалуйста писать ко мнѣ. Отъѣздъ вашъ сильно разстроилъ кругъ моего уединенія. Дѣти и я поручаемъ себя вашимъ молитвамъ и вашему благословенію»^{*)}).

Трудное и непріятное для меня порученіе князя быть посредникомъ между нимъ и его родственниками въ спорномъ имущественномъ вопросѣ ставило меня въ крайне-неловкое положеніе, и я, уклоняясь отъ рѣшенія этого спора, старался только дѣйствовать примирительно на обѣ стороны. Князь Горчаковъ, оправдываясь передо мною, выставялъ на видъ только нравственную сторону дѣла. Такъ между прочимъ онъ писалъ мнѣ по этому поводу отъ 13-го Апрѣля изъ Стутгарта: «Болѣе всего буду жалѣть, если они потерпятъ въ общемъ мнѣніи. Я старъ, доживаю вѣкъ, и мнѣ лѣтами и событіями жизни моей судъ уже изготовленъ. Пересуды и поношенія для меня безъ цѣны, на меня безъ вліянія. Простите! Несомнѣнно ожидаю, что вы возвратитесь съ Великой Княгиней. Ольгѣ Николаевнѣ надобны будутъ приверженность всѣхъ и духовная ваша подпора. Много грустныхъ впечатлѣній ее ожидаетъ. Отвратить ихъ нельзя. Но усладить соучастіемъ и сердечною преданностію. Не забудьте духовныя книги. Теперь съ дѣтьми читаю

^{*)} Въ поясненіе намековъ на Лицея нужно замѣтить, что послѣ смерти тестя моего Кочетова, бывшаго долгое время законоучителемъ Лицея, привѣтъ П. Г. Ольденбургскій очень желалъ, чтобы и поступилъ на это мѣсто. Но В. К. Ольга Николаевна не согласилась отпустить духовника своего для этого мѣста.

ежедневно *Слова Инокентія на Святую недѣлю*, и болѣе и болѣе ими плѣняемся». И въ слѣдующемъ за тѣмъ письмѣ отъ 20-го Апрѣля князь проситъ меня о доставленіи ему книгъ духовнаго содержанія, прибавляя при этомъ: «Мы во время Страстной и Свѣтлой всякій день читали по слову съ назиданіемъ и пользою, и мнѣ желательно сохранить этотъ обычай, обратившійся для меня въ нужду». 26-го Апрѣля 1854 года князь въ послѣдній разъ писалъ мнѣ изъ Стутгарта: «Вотъ послѣднія мои вамъ строки въ Петербургъ. Полагаю, что вашъ отъѣздъ наступастъ... Увѣренъ, что передъ отъѣздомъ вы посѣтите Е. Н. Пенцурову, которая весьма желаетъ васъ видѣть еще разъ по крайней мѣрѣ и готовить нѣкоторыя для меня бумаги духовнаго содержанія. Посылаю вамъ двѣ выписки изъ послѣднихъ ея сообщеній, которыя меня особенно поразили, особливо Французская, по сродству чувствъ: «Страшно видѣть человѣка, избалованнаго счастьемъ и неприготовленнаго къ таинствамъ загробнаго бытія, когда смерть налагаетъ на него ледяной перстъ свой и отмѣчаетъ его вдругъ разрушительною печатью; но смотрѣть, какъ потухаетъ жизнь страдальца міра сего, у котораго ничего не остается кромѣ высшаго обѣтованнаго блаженства, кромѣ надежды на милосердіе Божіе—о, это совсѣмъ другое! Да, смерть или безобразный скелетъ съ острою косою, или свѣтлый ангелъ, разрѣшающій земныя узы, или душная и тѣсная яма, называемая могилой, или радужныя крылья, уносящія въ безпредѣльную вѣчность.... Souvent, quand je sculpte un block et que je le fais jaillir en éclats autour de moi, je plains le pauvre marbre, et pour le consoler je lui dis: Va, je te blesse, mais c'est pour essayer de te faire éternel de beauté. Eh bien: il est un sculpteur plus sûr et plus maître que moi, que Michel-Ange et que Fidias: Dieu. Son marbre à lui c'est l'homme, la douleur est son ciseau. Et quand je souffre et que je sens partir et tomber des morceaux entiers de moi-même, je me dis: Voilà que Dieu travaille à mon âme et daigne la faire meilleure et plus grande. Merci, mon Dieu! *) Въ этой послѣдней выпискѣ князь чувствовалъ, сознательно или нѣтъ, что онъ находился въ этой лабораторіи Промысла, Который наносилъ его душѣ послѣдніе удары рѣзца Своего, готовя сдѣлать изъ него сосудъ, достойный того почетнаго употребленія, на которое уже послѣдовало и Его опредѣленіе. Возвращаясь изъ Петербурга, я скоро везъ съ собою и депеши, содержавшія назначеніе князя Горчакова быть участникомъ конгресса, состоявша-

*) Часто, когда я занимаюсь ваяніемъ и вокругъ меня летаютъ блестики, мнѣ жалъ блднаго мрамора, и въ утѣшеніе ему я говорю: Ех, дроблю я тебя; но это съ тою цѣлью, чтобы ты былъ на всегда прекрасенъ. Но есть ваятели болѣе надежныя и искусныя, нежели Микель-Анжело, нежели Фидій: Богъ. Ему мраморомъ служить человѣкъ, и Его рѣзецъ—это скорбь. А когда я страдаю и чувствую, какъ отпадаютъ цѣлыя части меня самаго, я говорю: Вотъ, Богъ работаетъ надъ моею душою и благоволяетъ улучшать и подымать ее. Благодарю, мой Боже!

гося въ Вѣнѣ по дѣламъ нашихъ споровъ о святыхъ мѣстахъ съ западными державами. Какъ бы предчувствуя это капитальное измѣненіе въ служебной своей карьерѣ, князь выѣхалъ съ дѣтьми ко мнѣ на встрѣчу за нѣсколько станцій отъ Стутгарта, и тутъ же въ вагонѣ дрожавшими отъ нетерпѣнія руками распечаталъ депеши и, прочитавъ содержаніе ихъ, набожно перекрестился.

Новое, важное по тогдашнему положенію нашихъ дипломатическихъ сношеній назначеніе князя Горчакова потребовало его личнаго присутствія въ Петербургѣ, и онъ, оставивъ дѣтей на моемъ попеченіи, отправился въ Россію. 8 го Іюня 1854 года онъ писалъ мнѣ оттуда съ Каменнаго острова, гдѣ жилъ на дачѣ графа Бобринскаго: «При отъѣздѣ г. Титова два благодарственные слова за письмо ваше. Болѣе писать нѣтъ времени. Молитесь за меня. Отвѣтственность великая лежитъ на мнѣ. Силы ожидаю только отъ Бога и всякій день молю, да осѣнитъ смиренно-вѣрующую въ него Россію. Я чрезвычайно усталъ, но здоровье поддерживается. День отъѣзда не установленъ, но недалекъ. Отъ своихъ дѣтей продолжаю имѣть успокоительныя извѣстія. Поручаю ихъ особенно вамъ. Съ дѣтьми Пушкиными ¹⁾ мы въ дружескихъ и съ ихъ стороны весьма почтительныхъ сношеніяхъ... Третьяго дня молились всѣ вмѣстѣ на гробницѣ усопшаго нашего ангела».

1 (13) Іюля князь былъ уже въ Вѣнѣ, и въ этотъ день писалъ мнѣ оттуда слѣдующее: «Еще двѣ строки отъ меня, почтеннѣйшій батюшка. Посылаю вамъ двѣ дополнительные записки наставниковъ на счетъ дѣтей. Вы видите, до какой степени довѣряю благорасположенію вашему. Даммертъ ²⁾, мнѣ кажется, очень основательно судить. Опытность ваша и умъ и сердце графини ³⁾ придутъ въ помощь его стараніямъ. Призываю васъ всѣхъ для своего успокоенія. Здѣсь благословеніе Господне продолжаетъ покровительствовать моимъ стараніямъ. Дѣла были такъ испорчены и человѣческія силы оказались такъ недостаточными для поправленія оныхъ, что я самъ себѣ совершенно ничего приписать не могу, и что я смиренно принимаю милосердіе, изливаемое на ничтожное орудіе. Упрочится ли добро? Въ высшей волѣ. По сіе время отгѣнокъ лучшаго, хотя и слабо, сохраняется. Простите и не забывайте меня въ своихъ молитвахъ». Это письмо и рядъ послѣдующихъ изъ Вѣны были писаны подъ диктовку князя рукою князя С. Н. Голицына, взятаго кн. Горчаковымъ съ собою въ Вѣну въ качествѣ секретаря на конгрессѣ. Содержаніемъ всѣхъ этихъ писемъ были почти исключительно заботы князя о воспитаніи его дѣтей. Это святое дѣло

¹⁾ Т. е. съ графами и графинею Мусиными-Пушкиными, пасынками и падчерицею князя Горчакова. П. Б.

²⁾ Французскій гувернеръ дѣтей. Кромѣ его при нихъ былъ Русскій, г. Докучаевъ.

³⁾ Графини Екатерины Ивановны Нгельстромъ, рожд. гр. Мусиной-Пушкиной. П. Б.

такъ занимало его, что онъ находилъ время среди высшихъ дѣлъ государственныхъ слѣдить за ихъ уроками и поведеніемъ. Какъ гувернеры, такъ и я, въ качествѣ ихъ законоучителя, каждонедѣльно должны были препровождать князю въ Вѣну полный отчетъ обо всемъ, что происходило въ классной и дѣтской комнатахъ его мальчиковъ. И на все онъ давалъ свои отзывы, свои указанія, свои совѣты. Вотъ для образчика одно изъ такихъ писемъ: «Вѣна 9 (21) Іюля 1854 г. Душевно благодарю васъ за письмо ваше отъ 4 (16) Іюля. Для васъ и семейства радуюсь отдыху у Константскаго озера. По эгоизму не могу не жалѣть, что дѣти мои лишаются отцовскаго вашего высшаго надзора. Ваше присутствіе въ Стутгартѣ служило мнѣ успокоеніемъ. Вы меня много утѣшили мнѣніемъ вашимъ на счетъ дѣтей. Гувернеры судятъ по своей точкѣ зрѣнія; но ни одинъ, ни другой не имѣютъ опытности въ воспитаніи, и психологическій взглядъ ихъ ограниченъ. Что касается до развлеченій, я, какъ уже сказалъ, вполне съ вами согласенъ. Объ издержкахъ маловажныхъ и рѣчи быть не можетъ. Итакъ, посовѣтовавшись съ графинею, устройте какъ заблагоразсудите прогулки ихъ; только я очень желаю, чтобы *ночей* они не проводили внѣ дома. При соблюденіи этого обстоятельства я на все прочее разрѣшаю. Также надѣюсь, что при весьма жаркихъ дняхъ соблюдена будетъ осторожность не подвергать дѣтей палящему солнцу. Надѣюсь, что строки эти застанутъ васъ еще въ Стутгартѣ и что вы успѣете оказать мнѣ сію услугу. Послѣ завтра мы будемъ съ вами мыслію и сердцемъ, когда вы будете молиться за нашу Великую Княгиню. Я вполне пріиняну важностію словъ вашихъ и чувствую на себѣ всю силу и истину оныхъ. На пути моемъ встрѣтились и встрѣчаются почти ежедневно, повидимому, непреодолимые препятствія; но какъ-то по сіе время всегда неожиданно сглаживается дорога, и если рѣшительныхъ, окончательныхъ успѣховъ еще нѣтъ, то, по крайней мѣрѣ, обратнаго шагу не сдѣлано. Все это несомнѣнно приписать себѣ не могу и не приписываю. Одно меня страшитъ—мнѣ трудно повѣрить, что столь недостойное орудіе было бы избрано для такого важнаго дѣла! Правда, что и глиняный сосудъ можетъ Высшею волею быть назначенъ для драгоценнаго употребленія. Избраніе таковаго служило бы яснѣйшимъ доказательствомъ всемогущества Божьяго. Поручаю себя и дѣтей молитвамъ вашимъ».

Въ томъ же смыслѣ князь писалъ мнѣ (на этотъ разъ собственноручно) изъ Вѣны отъ 10-го Іюля: «Во всемъ соглашаюсь, что вы сочтете полезнымъ для сердца или для здоровья дѣтей, и вполне разрѣшаю. Замѣните въ этомъ отношеніи меня, но непримѣтно, чтобы не ослабить власть гувернеровъ, непримѣтно, однако *дѣйствительно*. Давъ вамъ полную власть, въ подробности не вхожу, и увы — даже

времени не имѣю. Посылаю вамъ два отчета гувернеровъ, изъ которыхъ яснѣе увидите и взгляды этихъ господъ и недостатки дѣтей. Такъ какъ вы принимаете въ нихъ живое участіе, за которое сердце мое чувствомъ отплачиваетъ сторицею, вы извлечете изъ этихъ подробностей соображенія для пользы дѣтей. Разумѣется, что при жаркой погодѣ должно уменьшить число уроковъ и давать отдыхи... Здѣшняго священника только разъ видѣлъ. Его хвалятъ и уважаютъ. Но васъ у меня *никто* замѣнить не можетъ, и нѣтъ часа во днѣ, въ которомъ не жалѣю о потерѣ вашей бесѣды. Не оставляйте меня своими письмами... Здѣсь много для меня грустныхъ воспоминаній. Въ Вѣнѣ была заря моего угасшаго счастья. Въ здѣшней церкви насъ вѣнчали, и съ того дня я теперь въ первый разъ входилъ въ нее. Скажите Ея Выс., что Господь благословляетъ *начало* моихъ стараній. Есть лучъ, но слабый еще и который виденъ только потому, что проявляется тамъ, гдѣ до сего времени была грозящая темнота. Чтѣ будетъ далѣе—въ волѣ Его. Но и за этотъ даръ чрезъ меня недостойнаго посланный, да будетъ благословенно милосердіе Его! Смиренная наша Россія въ десницѣ и подъ кровомъ Его. Испросите у Ея Выс. позволенія прочесть эти строки. Ея Выс. пойметъ. Болѣе писать не могу по почтѣ».

Между тѣмъ пребываніе князя Горчакова въ Вѣнѣ изъ временнаго сдѣлалось постояннымъ. Онъ назначенъ былъ посланникомъ при Австрійскомъ дворѣ на мѣсто барона Мейендорфа. Съ этимъ соединенъ былъ вопросъ и о переселеніи дѣтей изъ Стутгарта въ Вѣну. Предвиди въ новой карьерѣ князя жизнь, полную житейскихъ заботъ и свѣтскихъ обязанностей, я подаль мысль, не хорошо ли было бы теперь, когда дѣтямъ недостаетъ материнскаго попеченія и когда отецъ по новымъ своимъ обязанностямъ едва ли будетъ имѣть достаточно времени вести ихъ воспитаніе лично, помѣстить ихъ въ учебно-воспитательное заведеніе въ Россіи, особенно въ Лицей, изъ котораго вышелъ самъ знаменитый ихъ родитель. На это князь Горчаковъ отвѣчалъ мнѣ обстоятельнымъ письмомъ изъ Вѣны отъ 9 (21) Августа 1854 г. слѣдующее: «Послѣднее письмо ваше—новое для меня доказательство пастырскаго и, смѣлюсь прибавить, дружескаго расположенія вашего ко мнѣ и къ сиротамъ моимъ. Важный предметъ, къ которому оно относится, причинилъ уже мнѣ немало тяжкихъ думъ и борьбы душевной. Все сообразивъ, я остановился на мысли, доколѣ есть возможность, оставить дѣтей у себя до университета. Въ бытность мою въ Петербургѣ я оглядѣлся, взвѣсилъ «pro и contra», и выбралъ, по моему убѣжденію, меньшее зло. Въ этихъ лѣтахъ поручить мнѣ ихъ некому, т. е. такимъ образомъ, чтобы долгъ былъ исполненъ, какъ сердце мое понимаетъ и какъ я обѣтовалъ умирающей матери. Замѣчаніе ваше совершенно справедливо: дѣтей, а именно Мишу, окунуть въ Русскую воду должно... Вы ихъ поняли, можетъ быть, лучше

самого отца. Но въ этой водѣ безъ присмотра много мутнаго, того, отъ чего послѣ души омыть нельзя. Это впрочемъ, не будь сказано въ укоръ Россіи: тоже происходитъ вездѣ и во всѣхъ общественныхъ заведеніяхъ вдали отъ родительскаго глаза. Отъ односторонности же можно вылечить постепенно, гдѣ бы ни производилось воспитаніе. Запятія мои, правда, многочисленны; но при образѣ жизни моей, посвятивъ себя исключительно долгу, останется довольно времени для вышшаго надзора за дѣтьми. Комнаты имъ будутъ отведены рядомъ со мною; одна дверь отдѣлять насъ будетъ днемъ и ночью. Конечно большую беру на себя отвѣтственность и не знаю, достаточно ли силъ моихъ; но и тутъ, какъ во всемъ, полагаюсь на милость и благодать Божію, столь чудно меня поддерживающія какъ въ опустѣломъ семейномъ быту, такъ и въ трудныхъ государственныхъ обязанностяхъ. Болѣе чѣмъ когда-либо приходятъ теперь минуты, гдѣ сердцу необходимо отдохнуть, гдѣ присутствіе дѣтей будетъ мнѣ великимъ облегченіемъ. Не этимъ эгоистическимъ началомъ я единственно руководствуюсь, но тѣмъ, что, мнѣ кажется, душа княгини будетъ отъ того покойнѣе. Сердце дѣтей легче предохранится отъ преждевременной порчи, а *Русскій бужъ*, ежели не весь, мыслю и обычаемъ они вдохнуть въ домъ моемъ, гдѣ бы онъ географически ни находился. Такъ какъ причины, побуждающія меня, чисты, сколько я могу разобрать ихъ источникъ, то надѣюсь, что и Всемогущій Богъ поддержитъ меня Своимъ благословеніемъ... Въ теченіе Сентября полагаю самъ на нѣсколько дней быть въ Стутгартѣ; когда именно, будетъ завѣсть отъ политическихъ событій. Во всякомъ случаѣ отдаленіе дѣтей отъ меня не будетъ продолжительно; потерянное же, какъ вамъ извѣстно, было неизбѣжно, и мы поставимъ его на счетъ тѣхъ пожертвованій, которыя въ сей годъ каждый изъ насъ приносить Россіи. Передъ отъѣздомъ дѣтей изъ Стутгарта буду васъ просить сдѣлать перечень пройденнаго съ ними, какъ по катехизису, такъ и по Священному Писанію, вообще очеркъ даннаго вами имъ направленія. Эта нить мнѣ необходима для передачи здѣшнему священнику. По сіе время я мало его видѣлъ по занятіямъ; но онъ, увѣряютъ, строгихъ правилъ и пылкой вѣры. Мало-по-малу болѣе ознакомимся. Васъ же никто и никогда въ сердцѣ моемъ не замѣнитъ. Между нами связь загробнаго воспоминанія, и часто говорю самъ себѣ, что болѣе бы чувствовалъ въ себѣ силы, ежели бы могъ остаться подъ вліяніемъ вашихъ словъ и вашего примѣра».

Какъ князь, будучи нѣжнымъ отцомъ, умѣлъ держать въ строгости своихъ дѣтей, когда то было нужно, можно видѣть изъ слѣдующаго письма ко мнѣ изъ Вѣны отъ 19 (31) Августа того же года, письма, хотя и интимнаго, касающагося самыхъ семейныхъ отношеній,

но тѣмъ не менѣе вполнѣ освѣщающаго нравственный характеръ человека, ставшаго вскорѣ на стражѣ народныхъ интересовъ Россіи. «Благодарю васъ, писалъ онъ мнѣ (въ первый разъ въ сдержанномъ тонѣ) за письмо отъ 15 (27). Я никогда не ошибаюсь въ чувствахъ, руководящихъ перомъ вашимъ, и всегда съ искреннею благодарностію принимаю и приму совѣты и намеки на счетъ дѣтей. Маленькій бунтъ М. никакъ допустить не могу. Отъ дѣтей требую безпрекословнаго повиновенія. Причина, побудившая меня отказать отъ поѣздки, была двоякая: во 1-хъ, оба наставника на счетъ успѣховъ ихъ нехорошо отзывались, и награжденіе было бы незаслуженное; а во 2-хъ, я не желалъ поѣздки въ Гейдельбергъ и ночеванія тамъ. Помолиться на могилѣ, гдѣ нѣсколько времени сохранялись бранные останки матери, я точно желалъ вмѣстѣ съ ними, хотя и допускаю, что замѣчаніе М. о краткости времени могло бы въ дѣйствительности состояться. Обо всемъ этомъ покорнѣйше прошу, когда вы найдете, что строптивая воля покорилась, сказать дѣтямъ съ авторитетомъ духовнаго отца... Если наставники болѣе довольны и если гр. Е. И., не заѣзжалъ въ Гейдельбергъ, захочетъ просто поѣхать въ Баденъ помолиться на могилѣ и увидѣться съ княгинею Радзивиль, то я позволяю взять дѣтей съ собою на эту поѣздку, при которой даже не нужно брать съ собою никакого гувернера. Итакъ благоволите распорядиться по этому дѣлу, но *иначе* какъ въ *точномъ* смыслѣ данныхъ мною нынѣ предписаній. Вознаграждать дѣтей за неудовольствіе, такъ рѣзко оказанное по случаю отцовской воли, я никакой причины не вижу, и таковую привычку дозволить въ отношеніяхъ между нами считаю въ высшей степени пагубнымъ. Слѣдовательно, данное мною нынѣ позволеніе, въ границахъ мною самимъ поставленныхъ, убѣдительно васъ прошу сообщить дѣтямъ только тогда, когда вы убѣдитесь, что воля ихъ покорилась и что они поняли вину свою. Дѣти почти ежедневно получаютъ доказательства и нѣжности моей и желанія доставлять имъ удовольствія и развлеченія. Въ первый разъ, по причинамъ мною взвѣшеннымъ и въ которыхъ отчетомъ никому не обязанъ, я не согласился на одно ихъ желаніе, и воля ихъ не умѣла перенести эту первую неудачу. Въ этомъ они должны раскаться искренно, вполнѣ, передъ вами, какъ передъ духовнымъ отцомъ. Если вы этимъ раскаяніемъ довольны будете, тогда только объявите имъ милость свою позволить съѣздить прямо изъ Стутгарта въ Баденъ *безъ Гейдельберга*. Вы видите, съ какою довѣренностію я позволяю себѣ располагать вашимъ къ намъ благорасположеніемъ».

Вслѣдъ затѣмъ князь, среди самыхъ горячихъ заботъ политическихъ, шлетъ мнѣ изъ Вѣны отъ 29-го Августа *два слова* въ дополне-

ніе своихъ заботъ о нравственномъ воспитаніи дѣтей своихъ. «Два слова, пишетъ онъ, передъ самымъ отправленіемъ къ обѣднѣ, при которой я просилъ о. Раевского совершить особенную молитву съ колѣнопреклоненіемъ. Нынѣ долженъ быть разгаръ кровавыхъ битвъ подъ Севастополемъ и въ Крыму. Телеграфъ увѣдомилъ, что Англо-Французскій флотъ 3-го числа отправился по тому направленію; собственная цѣль этихъ строкъ—успокоить васъ на счетъ позволенія даннаго дѣтямъ. Я съ вами согласенъ; только убѣдительно васъ прошу, по возвращеніи дѣтей изъ Бадена, извлечь изъ обстоятельства нашего съ вами къ нимъ снисхожденія всевозможное благодѣтельное вліяніе на нравъ и характеръ ихъ».

Вотъ еще одно письмо, отъ 18 (30) Сентября: «Сегодня ограничусь предметомъ дѣтей. На счетъ ихъ я сильно тревожусь и часто даже лишаюсь ночнаго сна, что должно уменьшать спокойствіе духа и ума, столь необходимое для меня въ трудномъ моемъ положеніи. По совѣсти я сдѣлалъ все, что въ силахъ моихъ. Не жалѣлъ ни себя, ни издержекъ. Но по сіе время едва ли могу надѣяться приближенія къ цѣли. Чему приписать, не знаю. При двухъ наставникахъ, единственно имъ посвященныхъ, надзоръ какъ умственный, такъ и нравственный конечно долженъ бы быть дѣйствительнѣе, чѣмъ въ публичномъ заведеніи. И самые уроки должны бы были успѣшнѣе, когда вниманіе преподавателя устремлено на одного ученика, чѣмъ когда сей послѣдній долженъ уловить то, что съ кафедръ падаетъ на толпу. Межъ тѣмъ успѣхи дѣтей, по донесеніямъ наставниковъ, весьма незначительны. Если успѣхи не будутъ соответствовать всѣмъ нашимъ стараніямъ, то можетъ быть, наконецъ, противу собственнаго убѣжденія, я постараюсь свыкнуться съ мыслию отдать дѣтей на воспитаніе въ Россію, хотя по сіе время, откровенно вамъ скажу, совсѣмъ не вижу, какъ согласовать такое рѣшеніе съ пользою дѣтей и съ желаніемъ усопшей матери. Во всякомъ случаѣ въ разговорѣ съ дѣтьми укажите имъ вновь на эту будущность, неизбежную для нихъ, ежели они отъ наставниковъ не получаютъ лучшаго свидѣтельства. Одно выраженіе въ письмѣ вашемъ особенно меня поразило. Вы говорите, что дѣти слишкомъ давно въ переходномъ положеніи, на полудорогѣ. Почему это положеніе переходное? Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ я устроилъ и надзоръ и ученіе ихъ такъ, чтобы отсутствіе мое было бы безъ вліянія на нихъ. Наставникамъ была мною передана вся моя власть во всѣхъ отношеніяхъ, и дѣти знали, что противъ этой власти не могутъ устоять никакія отговорки съ ихъ стороны. Болѣе я сдѣлать не могъ. И здѣсь, когда дѣти будутъ со мною, едва ли буду съ мнѣ возможно имѣть большее вліяніе на успѣхи въ

урокахъ. И что тогда? Признаюсь вамъ, что въ теперешнюю минуту это самый тяжелый крестъ мой. Молитесь со мною, чтобы онъ мнѣ облегченъ былъ. Радости въ жизни я не имѣю и не ищу, но желалъ бы нѣсколько спокойствія и убѣжденія, что семейныя обязанности исполняются согласно съ волею Божіею. Оtvѣта изъ Петербурга еще не имѣю, и начинаю сомнѣваться, дадутъ ли мнѣ позволеніе даже кратковременно удалиться въ пышшихъ обстоятельствахъ. Ежели нѣтъ, или если я самъ убѣжусь, что отсутствіе мое можетъ повредить, тогда дѣти безъ личнаго моего сопровожденія прїѣдутъ въ Вѣну непременно въ теченіе Октября. Много надѣюсь отъ разговоровъ вашихъ съ дѣтьми, которыя всегда такъ охотно и усердно принимаютъ увѣщанія ваши. Но при ихъ лѣтахъ настойчивость необходима; иначе борозда на водѣ».

По переездѣ дѣтей изъ Стутгарта въ Вѣну былъ отложенъ на нѣкоторое время вслѣдствіе появившейся въ Вѣнѣ холеры. Князь писалъ мнѣ по этому поводу отъ 3 (15) Октября изъ Вѣны: «Благодарю васъ отъ души за письмо ваше отъ 11-го Октября. При отъѣздѣ дѣтей чувствительно буду вамъ благодаренъ за наиподробнѣйшее начертаніе вашихъ наблюденій и мыслей на счетъ воспитанія дѣтей и ошибочнаго направленія, вами замѣченнаго. Все, что вы мнѣ скажете на сей счетъ, принято будетъ съ неограниченною благодарностію. По моему мнѣнію главная—не ошибка, но бѣда, что ни одинъ изъ наставниковъ (люди впрочемъ нравственные и хорошіе преподаватели) не соотвѣтствуетъ главной цѣли воспитанія и не оправдалъ въ этомъ отношеніи возложеннаго на нихъ довѣрія. Правда, что я долженъ былъ самъ это предусмотрѣть при молодой неопытности одного, при нравѣ другаго. Но я надѣялся, что оба, въ особенности Д., какъ Русскій, поняли бы, что, при возложенномъ на меня порученіи, долженствующемъ имѣть вліяніе на положеніе всей Европы, имъ слѣдовало бы приложить всѣ силы, чтобы свято оправдать оказанное имъ довѣріе по христіанской совѣсти. Худаго ни одинъ, ни другой ничего не сдѣлали, но упущеній много, и въ лѣтахъ дѣтей моихъ это весьма важно. Вы сами знаете, что при быстромъ отъѣздѣ моемъ изъ Стутгарта я не имѣлъ никакихъ средствъ иначе распорядиться, и что даже, при положительныхъ увѣреніяхъ обоихъ гувернеровъ, я могъ удалиться съ нѣкоторымъ спокойствіемъ. Признаюсь вамъ, что при такихъ рѣшительныхъ для всей Россіи обстоятельствахъ и при дѣятельномъ моемъ участіи въ будущихъ судьбахъ нашихъ я никакъ не полагалъ, что Д. ограничится должностію учителя, на которую я согласился изъ снисхожденія при сохраненіи ему всѣхъ выгодъ, первоначально назначенныхъ полному воспитателю. Въ такихъ критическихъ минутахъ

умѣние проистекаетъ изъ сердца. Но оставимъ это. Теперь дѣло идетъ о настоящемъ. При болѣе и болѣе распространяющейся здѣсь холерѣ мнѣ и думать нельзя о призваніи дѣтей, и даже не могу ни предвидѣть, а еще менѣе назначить время, когда возможность представится къ ихъ переселенію; слѣдовательно непременно должно устроить такъ въ Стутгартѣ, чтобы это драгоцѣнное время не было потеряно для дѣтей, ихъ ученія, и чтобы нравственность ихъ была вполне ограждена. Неужели между друзьями моими, поставляя васъ и князя Голицына въ первомъ ряду, не найдутся, которые примутся за это столь важное сердцу моему дѣло и устроятъ сколь возможно до того времени, какъ я самъ буду мочь дѣйствовать? Право, надобно имѣть исполинскія силы душевныя, чтобы при таковыхъ семейныхъ потрясеніяхъ сохранить твердость духа и ясность мыслей, столь для важнаго моего Русскаго дѣла необходимыя. Прошу всѣхъ друзей моихъ имѣть это въ виду. Къ чему служить, если мнѣ подробно излагается, что то и то нехорошо идетъ? Помочь отсюда не могу, а сердце страдаетъ и духъ ослабѣваетъ. Повѣрите ли, что доходить до того, что видѣ Стутгартскаго штемпеля на письмахъ производитъ грусть до вскрытія письма. И такъ усерднѣйше васъ всѣхъ прошу не молчать, что было бы еще хуже, но употреблять ваше вліяніе для устраненія того, что вкралось въ мое отсутствіе... Когда дѣтей призову сюда? Самъ долго ли останусь здѣсь и? Не придется ли прежде самому съ вами сблизиться въ Стутгартѣ? Все это въ рукахъ Божиихъ и сокровенно отъ человѣческой проницательности. Здѣсь положеніе такого рода, что на прочность пребыванія вовсе считать нельзя. Простите; если бы имѣлъ васъ подъ рукою, охотно бы приступилъ къ исполненію духовныхъ обязанностей. Въ послѣднее время онѣ меня сильно подкрѣпляли, какъ вамъ извѣстно. Вновь болѣе и болѣе чувствую нужду. Хотя въ отношеніи дѣятельности умственной жизнь моя не походитъ на Стутгартскую, о которой вы вспоминаете, но въ общественномъ живу уединенно, въ той же кельи и съ тѣми же грустными мыслями. Не могу сказать, чтобы съ 18-го Іюня 1853 года *) нашелся для меня одинъ день, концу котораго я бы не радовался.

Наконецъ настало время переселенія семейства кн. Горчакова въ Вѣну, и почти наканунѣ отправленія дѣтей изъ Стутгарта онъ писалъ мнѣ отъ 25 Октября (6 Ноября) слѣдующее: «Давно отъ васъ ни слова. Я такъ свыкъ съ вашимъ голосомъ, что весьма грустно отъ вашего молчанія. Дѣти пишутъ, что вы были нездоровы, но слава Богу оправились. Время отправленія ихъ сюда приближается. Отпу-

*) День кончины супруги князя Горчакова.

стите ихъ съ благословеніемъ и наканунѣ отъѣзда помолитесь съ ними въ нашей церкви. Что мнѣ и имъ предстоитъ, Богу одному извѣстно. Я увѣренъ, что ни я, ни они не будутъ и въ отсутствіи забыты въ молитвахъ вашихъ. Мой образъ жизни здѣсь весьма похожъ на тотъ, который мы вели вмѣстѣ въ Стутгартѣ. Только васъ пѣтъ, и эту потерю никто и ничто не замѣнить и замѣнить не можетъ. Утро проходитъ въ разгарѣ дѣлъ по службѣ, а вечеръ я почти всегда одинъ съ книгами и съ мыслию о прошедшемъ и о будущемъ, желая какъ можно менѣе занятія настоящимъ, до личности моей касающимся. Вновь усерднѣе васъ прошу снабдить въ запечатанномъ пакетѣ дѣтей подробнымъ описаніемъ пройденныхъ ими съ вами предметовъ, указаніемъ на систему вашу и личными замѣчаніями на счетъ характера каждаго изъ нихъ. Въ этомъ будетъ драгоценная нить для отца Раевского, а для меня новое, но надѣюсь не послѣднее, доказательство вашего благоволенія ко мнѣ и сердечныхъ чувствъ къ дѣтямъ. За это да вознаградитъ васъ Богъ въ собственныхъ вашихъ! Здѣсь политическій горизонтъ еще такъ сумраченъ, что самый зоркій глазъ непосредственной будущности проникнуть не можетъ. Общее чувство, какъ мое, такъ и всѣхъ моихъ соотечественниковъ, принимать съ умиленною благодарностію дарованные Богомъ успѣхи и не унывать, когда рука Его караетъ за грѣхи наши. Поцѣлуйте отъ меня дѣтей вашихъ и вѣрьте всегдашней моей къ вамъ преданности».

Съ переѣздомъ дѣтей въ Вѣну моя непосредственная переписка съ княземъ почти прекратилась, и только на мое поздравленіе съ новымъ годомъ князь Горчаковъ еще разъ отвѣчалъ мнѣ собственноручно. Въ этомъ письмѣ выражается вся его натура, порывистая отъ природы, но еще смиренная его благочестивымъ настроеніемъ. Вотъ это письмо: «Вѣна 6 (18) Января 1855. Благодарю васъ отъ души, почтениѣйшій батюшка, за воспоминаніе о мнѣ и дѣтяхъ по случаю новаго года. Сохраните намъ и въ наступающемъ настырскія ваши молитвы и дружеское расположеніе. Господь ко мнѣ милостивъ не по заслугамъ. Смертію послѣдней сестры моей *) испыталъ Онъ повинновеніе безусловное къ волѣ Своей. Благословляя общественный путь мой, не мною самопроязвольно избранный, доказываетъ, что, принявъ сію тяжелую ношу единственно въ надеждѣ, что сила Господня меня не оставитъ, я не положился на слабую мудрость земную. Приближаемся къ мирнымъ переговорамъ. Много сдѣлано. Болѣе еще остается совершить. Иду своей дорогой спокойно, твердо. Благодаря за прошедшее, уповаю на будущее. Семейная моя жизнь безоблачна. Дѣти милы и во всѣхъ отношеніяхъ меня удовлетворяютъ. Имъ нуженъ былъ отцовскій глазъ,

*) Книгини Елены Михайловны Кантакузенъ, тещи Н. К. Гирса. П. Б.

и вліяніе его оказалось почти немедленно. Натура ихъ хороша. Незабвенная мать много посѣяла лучшихъ зеренъ. Всѣмъ онъ ей обязанъ. Миѣ остается только развѣрывать и не портить. Всѣ мы поручаемъ себя молитвамъ вашимъ. Не оставляйте письмами».

Изъ писемъ молодыхъ князей Горчаковыхъ ко миѣ можно было видѣть, что отецъ ихъ, успокоившись на счетъ упорядоченнаго теперь воспитанія дѣтей его, весь предался своимъ служебнымъ занятіямъ. Такъ въ одномъ изъ писемъ князя Михаила Александровича отъ 4 (16) Февраля 1855-го года изъ Вѣны говорится: «Папа былъ нездоровъ, и докторъ боялся, чтобы у него не сдѣлался тифъ; но теперь онъ, слава Богу, совсѣмъ поправился. Докторъ говоритъ, что его болѣзнь произошла отъ большихъ занятій, которыя продолжались непрерывно въ теченіе трехъ недѣль и совсѣмъ истощили его силы. Дѣла идутъ здѣсь лучше, и съ Божіею помощію къ концу будущей недѣли можно ожидать открытія мирныхъ переговоровъ, если только Джонъ Росселъ пріѣдетъ; онъ назначенъ вторымъ Англійскимъ посломъ для переговоровъ, сегодня выѣхалъ изъ Лондона и ѣдетъ черезъ Парижъ и Берлинъ. Также ожидаютъ втораго Турецкаго уполномоченнаго. Папа очень занятъ и сегодня отправляетъ опять курьера въ Петербургъ». Кто зналъ близко князя А. М. Горчакова, тотъ можетъ себѣ представить ту лихорадочную дѣятельность, въ которой онъ долженъ былъ находиться въ данную минуту въ Вѣнѣ. Даже бывши въ Стутгартѣ посланникомъ, онъ посылалъ нерѣдко рано утромъ будить секретарей посольства, чтобы диктовать имъ ту или другую депешу, и когда одинъ изъ нихъ приходилъ къ нему въ кабинетъ, онъ уже заставлялъ князя диктующимъ своему метръ-д'отелю Грюйеру. Такая у него была горячая и нетерпѣливая натура.

Между тѣмъ Россію постигъ въ эту роковую минуту тяжелый и никѣмъ неожиданный ударъ: она лишилась своего великаго Государя, Николая Павловича. Объ этомъ миѣ писалъ князь Михаилъ Александровичъ отъ 22 Февраля (6 Марта): «Здѣсь всѣ сильно поражены этимъ ужаснымъ несчастіемъ, постигшимъ Россію. Расскажу вамъ, какъ мы здѣсь узнали о болѣзни и смерти Императора. Въ Пятницу 2-го Марта, въ 12 ч. полдня, пришла телеграфическая депеша отъ барона Будберга, въ которой сказано было: *Les nouvelles sur S. M. l'Empereur sont très mauvaises. On craint une paralysie des poudrons. La communion a été remise à ce matin* *). Вы можете себѣ представить, какъ это извѣстіе поразило папа! Онъ даже не думалъ, что Государь нездоровъ. Въ 5 часовъ вечера приносятъ письмо отъ здѣшняго Прускаго посланника, графа Арнима, въ которомъ сказано было: *Je reçois*

*) Извѣстія о Государѣ очень дурны. Опасаются паралича легкихъ. Причащеніе отложено на выпѣшнее утро.

a l'instant une dépêche télégraphique, qui m'annonce que l'Empereur va au plus mal, que S. M. a communiqué et que l'on attend sa mort prochaine ¹⁾. Въ 7 часовъ вечера приносятъ депешу телеграфическую въ цифрахъ, но къ несчастію не могли ее дешифровать, потому что въ ней были ошибки. Въ 7½ часовъ Прусскій посланникъ присылаетъ къ папа письмо, чтобы объявить ему, что S. M. l'Empereur est mort aujourd'hui à midi un quart. Вы можете себѣ вообразить, какъ мы всѣ были поражены. Это ужасно! Тотчасъ послали сказать о. Раевскому, чтобы онъ пришелъ прочитать молитву. Почти всѣ Русскіе собрались у насъ. Послѣ пришло множество Австрійцевъ, которые сначала не хотѣли вѣрить этому ужасному несчастію. Въ Субботу была панихида, при которой присутствовали всѣ Русскіе и множество Сербовъ. Послѣ службы папа былъ у Императора, который весьма огорченъ и пораженъ смертію нашего Государя».

«Христосъ воскрес! писалъ мнѣ князь-отецъ отъ 24 Марта (5 Апрѣля). Благодарю васъ сердечно за письмо отъ 13 (25) Марта. Отголосокъ отъ васъ всегда возбуждаетъ во мнѣ сладостно-горестное воспоминаніе прежнихъ дней и сожалѣніе, что не дано мнѣ продолжать съ вами, руку въ руку, общее шествіе къ конечной цѣли! Минуты унынія, по милости Божіей, уменьшаются, но радужныхъ цвѣтовъ нѣтъ болѣе въ жизни, и какъ-то все сѣро. Чрезвычайное и ежедневное напряженіе умственныхъ силъ для высокой цѣли нѣсколько меня поддерживаетъ. Достигнемъ ли оной? Объ этомъ ничего рѣшительнаго сказать нельзя; но роковая минута болѣе и болѣе приближается, и черезъ двѣ или три недѣли свѣту будетъ извѣстно, что предстоитъ ему въ неотдаленной будущности. Между тѣмъ мы здѣсь приготавливаемся очистить сердце и облегчить душу. Завтра въ одно и тоже утро съ Мишей исповѣдуемся и причастимся. Константинъ горюетъ, что не можетъ говѣть. Онъ еще такъ слабъ, что только на короткое время оставляетъ постель. Впрочемъ, Господь милостивъ! Я болѣе основательныхъ безпокойствъ не имѣю на счетъ его, а остальное—дѣло времени и ранней весны.—Великая Княгиня не забываетъ меня изъ Петербурга. Письма Ея Высочества дышать такою твердостію, такимъ смиреннымъ терпѣніемъ, что Богъ одинъ могъ дать пораженной душѣ такую необычайную силу. Вообще Духъ Господень паритъ надъ Зимнимъ Дворцомъ. Государь очевидно дѣйствуетъ подъ благословеніемъ Духа Всевышняго. Да озарится все царствіе Его тѣмъ свѣтомъ, которымъ благословляется начало!»

Въ Апрѣлѣ 1856 года мнѣ пожалованъ былъ первый орденъ, Анны 2-й степени, и по этому случаю князь Михаилъ Александро-

¹⁾ Получаю сейчасъ телеграфическую депешу о томъ, что Государю все хуже; Его Величество причастился, и ждутъ скоро кончины его.

²⁾ Государь скончался сегодня въ часъ съ четвертью.

вичъ меня поздравлялъ съ монаршею милостью. На этомъ письмѣ отъ 6 (18) Мая князь-отецъ приписалъ: «И я отъ всей души васъ поздравляю. Благо, что все это—ничтожные звуки земнаго тщеславія! Но вниманіе царское драгоцѣнно». И, дѣйствительно, князь Горчаковъ стоялъ, по крайней мѣрѣ, старался ставить себя выше этихъ земныхъ отличій, никогда иначе не указывая на эти блески, какъ съ видомъ сожалѣнія, и умирая, онъ давалъ завѣщаніе своимъ сыновьямъ, чтобы при гробѣ его не было выставлено никакихъ знаковъ отличія, что и было исполнено буквально при его погребеніи, хотя на это нужно было испросить особое Высочайшее соизволеніе.

Послѣднее письмо ко мнѣ отъ князя, писанное подъ его диктовку старшимъ сыномъ его, было отъ 28 Февраля (11 Марта) 1856 года, передъ отъѣздомъ его въ Петербургъ. «Не хочу отправиться въ дальній путь, писалъ онъ мнѣ, не испросивъ вашего благословенія и не поручивъ себя вашимъ молитвамъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ уже второй разъ обязанности службы отзываютъ меня отъ дѣтей. Это грустно и едва ли совмѣстимо съ моими семейными обязанностями. Но воля Божіей и царской должно повиноваться. Надѣюсь впрочемъ, что въ послѣдній разъ подвергаюсь такому тяжкому испытанію. Я счелъ долгомъ исповѣдаться и причаститься передъ отъѣздомъ, также и въ надеждѣ, что въ пріобщеніи святыхъ таинъ найду крѣпость и умѣнье. Онѣ мнѣ нужны. Задача моя трудна. Миша пишетъ вамъ подробно. Дороги весьма нехороши и погода суровая. Дай Богъ доѣхать благополучно. Къ гробницѣ въ Сергіевской пустынѣ принесу незакрытыя раны моего сердца. Не оставьте меня вашими молитвами и поминайте ту, которая васъ такъ высоко цѣнила! Убѣдительно васъ прошу писать мнѣ въ Петербургъ. Голосъ вашъ — созвучіе незабвеннаго прошедшаго и вѣрный указатель на будущее, гдѣ нѣсть ни горя, ни печали».

Но послѣ этой поѣздки въ Петербургъ князь Горчаковъ еще вернулся въ Вѣну, и только 16 (28) Іюня онъ окончательно выѣхалъ оттуда съ дѣтьми на должность министра иностранныхъ дѣлъ, какъ это видно изъ письма ко мнѣ кн. Михаила Александровича, который подъ этимъ числомъ писалъ мнѣ: «Папа рѣшился ѣхать сегодня вечеромъ въ 7½ часовъ, и мы останемся нѣсколько дней въ Дрезденѣ и Берлинѣ, а 24 Іюня (6 Іюля) отправимся изъ Стетина на пароходъ «Владимиръ». 8-го или 9-го Іюля н. ст. мы надѣмся быть въ Петербургъ. Не могу сказать вамъ, сколь мысль о возвращеніи въ отечество обрадовала насъ! Слава Богу, что наконецъ, дано намъ увидѣть его и больше еще полюбить! Папа поручаетъ мнѣ изъяснить вамъ свою искреннюю привязанности. Онъ весьма жалѣетъ, что долго не будетъ имѣть счастья съ вами повидаться. Отчаянныя минуты, въ которыя вы его такъ дружелюбно поддерживали, его навсегда къ вамъ привязали». Въ слѣдующихъ затѣмъ письмахъ молодаго князя изъ Пе-

тербурга я получалъ только поклоны отъ князя съ припискою въ родѣ слѣдующей: «Папа здоровъ. Онъ цѣлый день съ утра до поздней ночи занятъ государственными дѣлами, и мы едва имѣемъ возможность сказать ему два-три слова. Онъ поручаетъ мнѣ душевно поклониться вамъ и просить васъ не оставить его вашими молитвами».

Мало-по-малу и эта переписка прекратилась, и мнѣ приходилось имѣть сношенія съ княземъ только при свиданіи съ нимъ; при моихъ нечастыхъ поѣздкахъ въ Петербургъ или когда онъ пріѣзжалъ за границу. Въ началѣ, особенно въ Петербургѣ, онъ принималъ меня по старому. Оставляя всѣ занятія свои, онъ проводилъ со мною нерѣдко цѣлые часы въ своемъ кабинетѣ въ задушевныхъ и благочестивыхъ разговорахъ. Но послѣ, при встрѣчахъ съ нимъ за границею, я сталъ замѣчать все чаще, что въ немъ пробуждался ветхій человѣкъ. Отдаваясь всецѣло политикѣ, онъ какъ будто со страхомъ оглядывался на свое недавно прошедшее и, благоговѣя предъ святынею религіозныхъ убѣжденій, скорѣе уклонялся отъ нихъ, чѣмъ искалъ обновленія ихъ въ душѣ своей. Тѣмъ не менѣе онъ сохранялъ ихъ неприкосновенными въ глубинѣ своего сердца, и когда я уже у смертнаго одра его въ Баденѣ напомнилъ ему его извѣстную мнѣ вѣру и преданность волѣ Божіей, онъ отвѣчалъ мнѣ: «на этотъ счетъ вы можете быть покойны за меня!»

Князь Горчаковъ былъ въ глубинѣ души человѣкъ вѣрующій, и если онъ не провелъ во всей полнотѣ этихъ убѣжденій въ жизни своей, то причиною этого была та жизненная обстановка, которая увлекала его блестящій умъ въ соблазны свѣта. Тщеславія въ немъ не было, и онъ его не любилъ; но блескъ гевіа увлекалъ его до конца жизни. Съ развитымъ вкусомъ ко всему изящному онъ стоялъ выше всего обыкновеннаго. Патріотъ въ высшей степени этого слова, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ преданнѣйшій слуга своего Государя. Какъ христіанинъ, онъ прежде всего былъ покорный сынъ церкви. Какъ семьянинъ, онъ былъ нѣжнымъ отцомъ и любящимъ супругомъ. Какъ общественный человѣкъ, онъ на самой высотѣ своего величія не измѣнилъ своихъ отношеній къ людямъ, которыхъ онъ почему-либо цѣнилъ и уважалъ, а потому всѣ тѣ, которые имѣли случай сближаться съ нимъ, уважали въ немъ эту черту его характера и за то любили его. Закрывъ глаза на человѣческія слабости, о которыхъ и въ Писаніи говорится, что итъ человѣка, который бы не согрѣшилъ, еслибъ и одинъ только день былъ житія его на землѣ, мы можемъ съ національною гордостію сказать, что свѣтлѣйшій князь Горчаковъ былъ знаменитый сынъ своего отечества.

І. Базаровъ.